

DOI <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-35-2-17-26>
УДК 94(47).073

**«ДНЕВНЫЕ ЗАПИСКИ ЕГОРА АНДРЕЕВИЧА КОВРИГИНА»:
АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА¹**

Элона Польшикова

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия

**"DAY NOTES OF EGOR ANDREYEVICH KOVRIGIN":
ANALYSIS OF THE HISTORICAL SOURCE**

Elona Poliskova

Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia

Introduction. Diary manuscripts in historical scholarship are a curious material, which in most cases is a unique testimony of the era. Numerous such sources have been discovered and published on the Russian history of the 19th century. It was mainly the nobility and intellectuals who had the opportunity to keep diaries. At the turn of the 19th and 20th centuries they were joined by merchants. **Materials and methods.** The rarest phenomenon remains the diaries of city dwellers, in particular those of peasant origin. In 2009, Tambov historians prof. Kanischev and Lyamin published a unique material: the diary of E. A. Kovrigin, a Tambovite. **Results.** This source contains interesting information on the life of a man who belonged to the trade-industrial strata of the provincial town - the so-called "silent estate". The article presents an analysis of the diary in its historical context, in particular the notes concerning the author's participation in the State Mobile Militia. The part of the diary devoted to the author's participation in the Tambov militia is of particular interest because it allows us to compare the official data available to us - such as the route of the squads - with the real state of affairs. **Conclusion.** The study and analysis of the diary of Kovrigin not only showed us a portrait of a particular man and the details of his personal life, but also revealed important details of significant events in Russian history, the realities of everyday life of a 19th century man, and also showed by example how the mentality of a provincial man was transformed in the transition from a traditional to an industrial society.

Keywords: Tambov druzhiny, State mobile Militia, Crimean War, Tambov Province, warriors.

Введение. Дневниковые рукописи в исторической науке – это любопытнейший материал, который в большинстве случаев является уникальным свидетельством эпохи. По отечественной истории XIX века было обнаружено и опубликовано множество источников такого рода. В основном, возможность вести дневник была у представителей дворянского сословия и интеллигенции. На рубеже XIX-XX веков к ним присоединились купцы. Самым редким явлением остаются дневники городских обывателей – в частности, тех, кто имел крестьянское происхождение. **Материалы и методы.** В 2009 году тамбовскими историками В. В. Канищевым и С. К. Ляминым был издан уникальный материал: дневник тамбовского обывателя Е. А. Ковригина. Этот источник содержит интересные сведения о жизни человека, который относился к торгово-промышленным слоям провинциального города – сословия, которое в исторической науке принято называть «молчаливым сословием».

¹ Оригинальная статья.

Citatoin: Poliskova E. "Daily notes of Yegor Andreevich Kovrigin": analysis of a historical source // History: Facts and symbols. 2023. Vol. 35. No. 2, pp. 17-26. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-17-26. Польшикова Э.В. «Дневные записки Егора Андреевича Ковригина»: анализ исторического источника // История: Факты и символы. 2023. № 2 (35). С. 17-26. DOI 10.24888/2410-4205-2023-35-2-17-26

© Польшикова Э., 2023

Результаты. В статье представлен анализ дневника в историческом контексте – в частности, записей, касающихся участия автора в государственном подвижном ополчении. Часть дневника, посвященная участию автора в Тамбовском ополчении, представляет особый интерес, поскольку позволяет сравнить имеющиеся в нашем распоряжении официальные данные – как, например, маршрут дружин – с реальным положением дел. **Заключение.** Изучение и анализ дневника городского обывателя Е. А. Ковригина не только продемонстрировали перед нами портрет конкретного человека и подробности его личной жизни, но также раскрыли важные детали значимых событий российской истории, реалии быта человека XIX века, а также на примере показали, как происходила трансформация менталитета провинциального человека в рамках перехода общества от традиционного к индустриальному.

Ключевые слова: Тамбовские дружины, государственное подвижное ополчение, Крымская война, Тамбовская губерния, ратники.

1. Введение.

В связи с постоянно ухудшающимся положением на фронте во время Крымской войны 1853-1855 гг., было принято решение о создании государственного подвижного ополчения, и 29 января 1855 г. был обнародован соответствующий манифест. Согласно указу, в ополчении первого созыва принимали участие дружины из 17 губерний [1, с. 7]. В случае необходимости планировалось создать дружины второго и третьего созыва и в других губерниях. Однако в итоге значительная часть сформированных дружин вовсе не участвовала в боевых действиях: 12 дружин стали участниками защиты Севастополя, 35 дружин Калужской, Тульской и Орловской губерний были направлены на усиление полков Крымской армии [7, с. 42].

Тамбовские дружины государственного ополчения оказались в числе дружин, которые не приняли активного участия в сражениях. Согласно архивным документам, некоторые тамбовские дружины помогали в строительстве защитных сооружений на территориях, подчиненных наказному атаману М. Г. Хомутову (Земли войска Донского). Иные сохранившиеся источники содержат весьма интересные факты, демонстрирующие процесс формирования и роспуска ополчения в 1855-1856 гг., обстоятельства их продвижения к театру военных действий. Среди этих источников – фрагменты рукописи уникального дневника участника одной из Тамбовских дружин ополчения, а именно – Козловской дружины №192, Егора Андреевича Ковригина, которые находятся в Тамбовском областном краеведческом музее.

2. Материалы и методы.

«Дневные записки Егора Андреевича Ковригина» являются уникальным историческим источником, отразившим повседневную жизнь обывателя провинциального города второй половины XIX в. Автор этих интереснейших записей относился к сословию, которое принято называть «молчаливым». Они редко имели привычку вести подобного рода записи – этот факт придает любым сохранившимся письменным источникам личного характера особенную ценность. Известно, что Е. А. Ковригин родился 23 апреля 1834 года. Он происходил из однодворческой семьи одного из уездных городов Тамбовской губернии – а именно, Козлова. Большую часть жизни прожил в типичном среднерусском губернском центре – Тамбове. Его дневник является уникальным символом эпохи: он позволяет получить множество материала не только по истории быта, но и по социальной истории – взглянуть на мир глазами не офицера-дворянина, а человека из непривилегированной социальной группы. Кроме того, Е. А. Ковригин в ополчении занимал должность дружинного писаря и имел доступ к документам государственного подвижного ополчения в Крымской войне 1853-1856 гг. – некоторые из них приведены в тексте рукописи. Так, например, в дневник аккуратно был скопирован запланированный маршрут движения ратников к месту боевых действий.

Оригинал рукописи дневника Е. А. Ковригина хранится в фонде рукописных документов Тамбовского областного краеведческого музея. Рукопись представляет собой разрозненные тетради и листы дневника разных лет – это только сохранившаяся часть более обширной рукописи. С точки зрения хронологии, дневниковые записи претендуют на эпопею, охватывая события середины 1850-х – середины 1890-х годов. Первые записи дневника посвящены призыву молодого Е. А. Ковригина в государственное ополчение в период Крымской войны, последние – торжествам в Тамбове в связи с коронацией императора Николая II.

Представленный источник нельзя назвать хорошо изученным, поскольку работ, посвященных записям Е. А. Ковригина, относительно немного. Однако все имеющиеся на сегодняшний день публикации имеют большую ценность. Прежде всего, необходимо выделить работу В. В. Канищева и С. К. Лямина «Голос молчаливого сословия: социально-антропологический портрет тамбовского однодворца Е. А. Ковригина» [6]. Здесь исследователи попытались воссоздать социально-антропологический портрет Е. А. Ковригина. В других своих статьях по материалам дневника С. К. Лямин попытался взглянуть на дневник как на источник по истории менталитета торгово-промышленного населения Тамбова 1860-70-х гг. [8], а также исследовать феномен национальной идентичности городского обывателя провинциальной России второй половины XIX века [9].

3. Результаты.

Е. А. Ковригин стал человеком, менталитет которого объединял в себе многие характеристики традиционного мышления, но, вместе с тем, имел немало качеств, присущих человеку индустриального общества. Главным проявлением этого обстоятельства является сам дневник, поскольку привычка вести дневниковые записи, в которых отражены результаты саморефлексии автора, во многом проявление психологического типа человека Нового времени. Ещё одно проявление – не характерное для человека аграрного общества стремление вырваться за пределы традиционного жизненного цикла. Вот как Е. А. Ковригин писал о предстоящем походе Козловского ополчения к театру военных действий Крымской войны: «Этот поход меня не пугал, но радовал. Мне было желательно посмотреть свет и видеть города и сёла, и местности; а то я до 20 л[етнего] возраста из Козлова никуда и никогда не ездил и не ходил... Я пришёл домой и был у родных – прощался с ними. Но я не был печален, даже радовался и мечтал поглядеть свет» [4, с. 23].

Текст дневника не содержит прямых указаний на сословное состояние родительской семьи его автора. Но при внимательном прочтении мы обнаруживаем столько «намёков», что не остается сомнений в ее однодворческом и именно городском статусе, весьма типичном для города Козлова, как и многих других городов Центрального Черноземья первой половины XIX века, возникших в свое время из крепостей. Родительская семья нашего героя, судя по многим косвенным признакам, была небогатой (жила на квартире, дети поступали в молодости в наемные работники и т.п.). Также косвенно можно выявить и профессию отца Е. А. Ковригина. В начале публикуемого текста говорится о том, что в 1855 г., когда формировалось Тамбовское государственное ополчение, вышел приказ о направлении из губернии в Тамбов сапожников и портных для шитья «платья», сапог, ранцев и патронташей для ополченцев. Среди означенных мастеров были и родственники автора, Е.А. Ковригина – а именно, его отец и брат Павел. Из контекста сказанного не ясно, кем точно являлись ближайшие родственники Е. А. Ковригина – портными или сапожниками. Но однозначно понятно, что они были квалифицированными ремесленниками [4, с. 20].

Казалось бы, необычным для полукрестьянской однодворческой среды являлось наличие в семье некоего собрания книг. Заметим, что среди книг, которые продала «маменька» для экипировки сына как ополченца были «разные»: не только духовного содержания, но и романы. Понятно, что речь идет о читающих людях [4, с. 21]. С другой стороны, факт

того, что мать Е. А. Ковригина продала книги с целью собрать своего сына на службу в ополчение, говорит об отношении к книге как ценной вещи. Можно предположить, что это были по преимуществу книги религиозного содержания. На такой их «контент» косвенно указывает и содержание образованности Е. А. Ковригина и его братьев. Автор дневника очень хорошо знает Священное писание. А его брат Козьма вообще принял монашество, что трудно представить без хорошего (для обычного человека) религиозного образования.

Текст дневника говорит об очень высокой для «рядового» человека середины XIX века степени грамотности, умении письменно излагать свои мысли. При этом понятно, что Е. А. Ковригин был очень способным от природы человеком. Судя по тексту дневника, автор был весьма хорошо знаком и с художественной литературой. О пристрастии Ковригина к чтению свидетельствует и употребление свойственных романтизму литературных метафор, гипербол и эпитетов.

В других его путешествиях очевидно преобладание религиозных мотивов. Через две недели после увольнения из ополчения, 3 августа 1856 г., наш герой с «маменькой» отправился в Воронеж на богомолье к мощам святителя Митрофания. Летом 1858 г. Е. А. Ковригин был недолго в Воронеже по торговым делам и все же зашел в местный Митрофаньевский монастырь, приложился к святым мощам [4, с. 51].

Дневник заметно отразил сохранение многочисленных элементов религиозного мировоззрения автора. Это видно из постоянных упоминаний Священного писания, посещения церквей, дальних паломнических хождений, ревностного участия в церковных мероприятиях, соблюдения христианских праздников, постов, обрядов, близких отношений со многими священнослужителями и т.п. Особенно ярко глубина религиозного мироощущения Е. А. Ковригина проявилась в том, что в своих снах он часто видел ангелов, думал о «кончине» мира, бывал в Иерусалиме и стоял на горе Голгофе возле распятого на кресте «господа нашего» Иисуса Христа, молил господу, распятого за наши грехи и т.п. [4, с. 114].

Особое место в рукописи отводится автором для описания процесса взросления дочери Хионины. Ее первые шаги, первые слова, и даже такие подробности, как протекание её болезни, а также забавные случаи и ситуации, которые были связаны с ней – все это подробно излагается на страницах дневника. Эта часть записей отражает взаимоотношения родителей и детей в торгово-промышленной среде провинциального города.

Семья автора, пожалуй, является самым ярким показателем переходности социокультурного облика Е. А. Ковригина. Необычным для патриархальной русской семьи было проживание мужа в семье жены, а точнее – тещи. При этом структура семьи являлась традиционно разветвленной. Во-первых, она была многопоколенной: мать-старуха – две дочери (одна со своей семьей) – внуки. Во-вторых, в этой семье имелось и боковое родство. С одной стороны, из дневника видно наличие в семье необычной для патриархальной семьи незамужней взрослой сестры жены. С другой стороны, обычным делом по меркам традиционного общества было принятие на воспитание и определение на службу племянников, временное проживание в семье автора дневника одного из его братьев. При этом Ковригин «считается», что брат пил и ел у него [4, с. 158]. Вместе с тем, Е. А. Ковригин не смог взять в свою семью старуху-мать и брата монаха-расстригу, снял им в Тамбове отдельную квартиру.

Элементы традиционной и модернизированной повседневной жизни семьи Ковригиных просматриваются буквально во всем. В жилье, наряду с многокомнатным домом (у Ковригина даже есть библиотека-комната и галерея-комната), беседкой в саду, палисадником для цветов, постоянно упоминаются характерные для традиционной городской усадьбы сараи, содержание во дворе кур, коровы, собаки.

В дневниках постоянно идет речь о типичной русской еде (щи да каша, черный хлеб, капуста, морковь) [4, с. 134]. Вместе с тем, часто упоминаются редкие для крестьянского стола гречневая каша, белый хлеб, уха, раки [4, с. 139], нередко пишется о том, что дома

принято пить чай из блюдца, со сливками, кофе. При приглашении и посещении гостей выставлялись и «со знанием дела» потреблялись шоколадные конфеты, апельсины, лимоны и т.п. Помимо чашек и блюдец, в тексте дневников встречаются фарфоровая сахарница, молочница и другие, явно не деревенские, предметы «утвари» [4, с. 134].

Из одежды постоянно упоминаются традиционные сапоги (лаптей уже нет), а, с другой стороны, такие современные вещи, как калоши или галстук у самого Е. А. Ковригина, атласный салоп и шёлковый платок тещи, «розовое платьишко», панталоны, башмачки с каблучками, чепчик с лентами, соломенная шляпка на головах у дочерей и др.

Даже в детских игрушках и забавах видно сочетание «старого» и «нового». В частности, дочь Хиночка любила играть во дворе с домашними животными, кормить их. Но, в то же время, она любила кататься в игрушечной тележке [4, с. 114]. Среди подарков детям часто упоминаются коробочки с конфетами, которые по мере «опустения» становились игрушками.

В ходе анализа «сетевых связей» автора дневника в разных слоях городского социума выяснилось явное преобладание деловых и общественных связей над соседскими, но, вместе с тем, сохранение крепких традиционных родственных связей. Практически из всего текста дневника мы видим постоянное поддержание Е. А. Ковригиным связей со своими ближайшими родственниками. Не осталась для него «отрезанным ломтем» даже вышедшая замуж, оставшись жить в Козлове, сестра. В дневниках упоминаются в качестве ближайших родственников, с которыми поддерживались постоянные связи, и непонятные по степени родства люди. Вероятно, это была родня Ковригина по линии жены. В традиционном сознании считалось, что и муж должен с ней «знать».

Необычным являлось и то, что наш персонаж был почти непьющим человеком. Он честно признавал, что, будучи в ополчении, «два раза ходил пить водку, но она мне не в пользу» [4, с. 22]. Наверное, людей, которым водка физиологически «не в пользу», всегда было и есть немало. Но далеко не у всех из них хватает воли и общей культуры, чтобы отказаться от вредного им спиртного. С другой стороны, как сообщает автор дневника, в 1858 г., в 24 года, будучи в командировке в Таганроге, «дабы не быть таким (некурящим)» [4, с. 68], другими словами, за компанию, он начал курить.

Сам автор, Егор Андреевич Ковригин, вероятнее всего, прожил около 65 лет. Его жена Мария Захарьевна также, вероятнее всего, перешагнула 60-летний возраст. До очень преклонного возраста, судя по спискам избирателей Тамбова, составленным в сентябре 1917 г., они не дожили. «Модернизационный настрой», тяга к чтению, интерес к художественному творчеству повлияли на то, что дети Е. А. Ковригина избрали уже сугубо интеллектуальную учительскую профессию. Совершенно точно мы можем утверждать, что до 1917 г. дожил сын Е. А. Ковригина – Сергей Георгиевич – он был преподавателем математики в Пителимовской частной гимназии и реальном училище, одновременно работая воспитателем в Губернском земском сиротском доме. В этих же списках значится и Хиония Георгиевна Сорокина, 49 лет. Исходя из крайне редкого сочетания имени и отчества, а также года рождения, с огромной долей вероятности можно говорить, что это та самая Хиночка, о которой очень много писалось в дневнике Е. А. Ковригина. В начале XX в. она служила учительницей, в 1910-е годы даже стала заведующей одним из городских женских начальных училищ.

Формирование государственного подвижного ополчения, участником которого был автор дневника, было принудительным – с каждой тысячи ревизских душ, плативших подушную подать, в ратники набирали по 23 человека. Офицерский состав составляли помещики, ранее успешно служившие в армии и военном флоте. Призыв не коснулся лишь колонистов и евреев, а также купцов. Количество людей в одной дружине было около тысячи. Сюда входили не только ратники, но также врачи, урядники и т.д.

В губерниях, где формировались дружины, были сформированы губернские комитеты ополчения, которые осуществляли сбор и учет ратников, решали вопросы обеспечения их продовольствием и амуницией, собирали пожертвования на нужды дружин [5, с. 40].

Согласно приказу, офицеры и ратники имели практически одинаковое обмундирование, с той лишь разницей, что офицеры должны были иметь форму из фабричного сукна, с красным кушаком. Отличительным знаком являлись особенные фуражки с крестом. После роспуска ополчения их разрешалось оставить себе [4, с. 49].

Губернские комитеты ополчения договаривались о поставках обмундирования с купцами. К сожалению, далеко не всегда поставленная ими одежда была высокого качества, так как при ее изготовлении зачастую использовались старые, испорченные материалы и их дешёвые заменители [10, с. 327]. При таком положении дел были нередки случаи, когда дружинники на собственные средства собирались в поход. Так, Е. А. Ковригин вспоминает: «Я велел маменьке продать книги разные: духовные и романы. И на эти деньги я сшил себе по форме ратника из серой нанки кафтан, панталоны, картуз из серого сукна с крестом, красный кушак, красный нагрудник» [4, с. 21]. Более того, автор дневника отдавал предпочтение амуниции, купленной на собственные средства: «...выдали мне казённое платье: серый кафтан из толстого сукна и штаны такие же, фуражку с крестом, рукавицы, пояс ременной, сапоги и нагрудник красный. Но я в Козлове эти вещи не носил, а ходил в своём кафтане и своей фуражке» [4, с. 21]. Остается только догадываться, связано ли было это предпочтение с некачественным материалом, из которого было изготовлено «казённое платье», или же здесь проявлялась бережливость человека по отношению к вещам.

Не всё было благополучно и с вооружением ополченцев. Значительная часть ратников были снабжены либо неисправными гладкоствольными ружьями, либо и вовсе оставались без оружия.

Материальная составляющая формирования дружин стала общим для всех делом. Жителями губернии проводились различного рода благотворительные мероприятия, целью которых был сбор средств для ополчения.

Особую роль в процессе формирования ополчения играло духовенство. Представители церкви выступали перед дружинами с напутственными словами и речами, благословляя ратников. Тексты некоторых из этих речей приведены на страницах дневника.

Регулярно устраивались смотры дружин. В обращениях к ратникам звучали слова благодарности за старания в обучении военному делу и готовность помочь государству. Среди посетивших смотры Е. А. Ковригин упоминает начальника Тамбовского ополчения генерал-майора Жихарева, тамбовского губернатора К. К. Данзаса и др. [4, с. 20-21, 32]. Особо значимым событием стал приезд на смотр дружин князя А. С. Меншикова [4, с. 22].

Дружины Тамбовской губернии должны были прибыть в Екатеринославскую губернию и Земли войска Донского в распоряжение генерал-лейтенанта М. Г. Хомутова к 1 сентября 1855 г. [4, с. 22]. Дружинными начальниками двух Козловских дружин №№ 191 и 192 были соответственно назначены подполковник Маслов и штаб-капитан Шиловский.

Уход дружин из Козлова происходил при драматических обстоятельствах: 12 июля в городе начались сильные пожары. Здания горели практически ежедневно. Люди спасались от стихии, уходя из города – к монастырю, кладбищу или к реке. Из записей Е. А. Ковригина мы узнаём, что уже 23 июля 1855 г. измученные пожарами горожане были вынуждены прощаться с большей частью молодого и крепкого населения, способного оказать помощь в тушении пожаров: «и только взошла утренняя заря, как весь город огласился воплем и плачем. В редком доме не было плача. В каждом доме стояло по ратнику, и к нему приехали провожать родные: отец, мать и жена, дети. И как всё это соединяется с криком и плачем! И был глухой шум, и вопль» [4, с. 25]. Начало похода означало, что оставленные без братьев и мужей семьи должны были в одиночку справляться с бедствием, которое прекратилось только в августе, когда Козловские дружинники были уже за много верст от дома.

Несмотря на всю тяжесть ситуации, город старался достойно проводить своих героев в поход. Городским обществом для ратников были подготовлены несколько столов с едой и вином. Подчеркивая всю горечь расставания, Е. А. Ковригин писал: «В 11 часов все обедали и перепились допьяну, и плачу сделалось ещё больше» [4, с. 25]. Трагично описывается час расставания ополченцев с родным городом: «На соборной колокольне зазвучал созывной колокол в 4 часа вечера: печальный редкий благовест возвестил всему городу, что настал час разлучения. И благовест продолжался до 5 часов» [4, с. 25]. Некоторое время уходящие в Тамбов дружины провожали с образами и песнями, но лишь до заставы – затем образа понесли обратно в Козлов, а 2000 с лишним человек начали свой долгий и нелегкий путь.

Торжественно – с развернутыми знаменами и музыкой – утром 28 июля 1855 г. Козловские дружины подошли к Тамбову. Несмотря на ранний час, их встречало большое количество людей.

Интерес к похождениям с поисками всего для него нового пронизывает, как в таких случаях говорят, «красной нитью» весь дневник Е. А. Ковригина. При первой же крупной остановке Козловского ополчения в Тамбове он ходил по городу, осматривая его достопримечательности. Нельзя не выделить обширнейшее описание города, составленное автором во время возвращения дружин в июле 1856 года. Е. А. Ковригин перечислил множество городских сооружений, которые он нашел в Тамбове. Он отметил в своих записях церкви, соборы, монастыри, а также предприятия, различные административные постройки, и другие здания. Кроме этого, он описал дома и основные виды деятельности населения.

Описание тамбовских проводов ополчения в дневнике Е. А. Ковригина отличается удивительной детальностью и вниманием к мелочам: «А под выходом в галантерейные лавки были прибиты семь ранцев солдатских, один барабан, над барабаном - одна каска, шесть саблей. Всё это было сделано пирамидой в виде трофеев. Внутри лавок были поделаны столы для обеда ратников, а по стене по середине был щит с вензелевым изображением имён их императорских величеств в вензелевом лавровом и дубовом венке. Внизу трофеев - литера «А. М.» - (Видимо инициалы князя А. С. Меншикова – Авт.). По бокам щита были привешены ружья. Вверху щита – ранцы и каски, и сабли, и полусабли. И всё это было убрано пирамидой очень хорошо.» [4, с. 28].

К 11 часам дня началась официальная часть мероприятия: собрались высшие чины города, с речью выступил губернатор К. К. Данзас [3, с. 1]. Затем были произведены необходимые церковные обряды. После дружины прошли торжественным маршем перед начальником ополчения Жихаревым и губернатором К. К. Данзасом, а затем ратникам была дана винная порция. После торжественного мероприятия у ратников была возможность отдохнуть и прогуляться по городу. 29 июля дружины вышли из Тамбова в поход.

Имеющие слабую подготовку, плохо укомплектованные ратники тяжело переносили службу. Походные будни сопровождалась голодом, болезнями. Ситуация усугублялась критической нехваткой медиков – фельдшеров и врачей. Известны случаи, когда ратники писали жалобы на своих дружинных начальников, в которых речь шла о том, что ополченцев плохо кормят, бьют, и всячески обижают. Одна из таких просьб к военным министрам заканчивалась патетическим воззванием: «Разступись, земля сырая, встань, император Николай Павлович, и погляди на своих бедных ратников» [5, с. 60].

Жители населённых пунктов, через которые проходило ополчение, стремились всячески поддержать ратников. Нередко о пропитании дружинников заботились местные купцы: «После служения молебна дружину кропили святой водой. После молебна была выставлена водка и закуска от торгующего в селе купца. В квартире, где мы квартировали, к обеду давали нам мёду с белым хлебом» [4, с. 30]. Практически в каждом населённом пункте ратников встречали с иконами, священники окропляли дружины святой водой, читали проповеди. И даже если село или деревня не имели церкви, то из окрестностей приходили

служители церкви с образами. А местные чины и простые жители говорили напутственные речи, воодушевляя ополченцев [4, с. 26]. «Во всё время похода нас жители кормили очень хорошо и денег не брали. И кормовые деньги оставались в экономии. И по дороге везде нас кормили, и денег с нас не брали - и дружинный начальник не платил за нас - где и давали, то общества не брали денег. Начальство квитанции выдавало в получении всех денег за прокорм ратников офицеров и лошадей и эти деньги собирались в экономии нашей.» [4, с. 30].

Хотя, согласно маршруту, Козловские дружины должны были прибыть в Козлов 18-го, они вернулись на день раньше – 17-го июля 1856 г. Семьи ратников встречали их на подходе к городу. «Потом пришли священники и облачились - и пошли вперёд с крестами. А дружины шли следом с развёрнутыми знамёнами. А в городе во всех церквях звонили во все колокола. Пришли к собору на площадь. А там нас дожидались с образами. И сей же час начался благодарный молебен господу богу о благополучном прибытии в Козлов... и потом развели ратников по квартирам» [4, с. 47].

Расформированные дружины сдали оружие. Знамёна были вынесены из квартир дружинных начальников, и позднее перевезены в Тамбов, в кафедральный собор, чтобы сохранить на память потомкам. Ополченцам выдавалось увольнительное свидетельство, в которой, кроме прочего, говорилось, что участник государственного ополчения может оставить себе отличительный знак ополчения – крест на фуражке. На оборотной стороне был представлен перечень тех вещей и предметов, который дружинник мог оставить для собственного использования. Кроме этого, иногда участник ополчения помимо свидетельства получал от командующего своей дружины аттестат – таким образом выделяли тех, кто во время службы отличился особенным старанием и прилежным поведением.

4. Заключение.

Безусловно, не следует завышать роль государственного подвижного ополчения в Крымской войне 1853-1856 гг. Оно не оказало значительного влияния на усиление армии и лишь немногие дружины проявили себя в борьбе с неприятелем. Призыв ополчения не решил правительственных задач, и даже обострил социальные и экономические проблемы, существовавшие в Империи. Однако ратники честно и ответственно исполнили свой долг, несмотря на все трудности. Многие из них умерли не на поле боя, но от болезней и тяжелых походных условий. Ценой больших человеческих потерь в годы войны власть осознала необходимость проведения широкой военной реформы и системных преобразований во всех сферах жизни огромного государства.

Список источников и литературы

1. Антипьев, М. А. (2009). *Участие дружин Курского государственного подвижного ополчения в защите Севастополя (в период Крымской войны 1853-1855 гг.)* // Известия АлтГУ. № 4-4. С. 7-9.
2. Антипьев, М. А. (2010). *"Утверди Десницею твоею державу нашу, сохрани воинство ЕЯ" (о сборах подвижного ополчения Крымской войны)* // Кубанские исторические чтения: Материалы первой межвузовской научно-практической конференции. С. 40-42.
3. Антипьев, М. А. (2015). *"Война прошла, а след остался" (о Тамбовском ополчении 1855 года)* // Известия Регионального финансово-экономического института. № 1(7). С. 1.
4. Дневник Тамбовского обывателя Е. А. Ковригина (1850-1890-е гг.) (2009) / сост. В. В. Канищев, С. К. Лямин. Тамбов. 207 с.
5. Дубасов, И. И. (2006). *Очерки из истории Тамбовского края*. Тамбов. 785 с.
6. Канищев, В. В., Лямин, С. К. (2017). *Голос молчаливого сословия: социально-антропологический портрет тамбовского однодворца Е. А. Ковригина* // Тамбов в про-

шлом, настоящем и будущем: Материалы VII Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию революционных событий 1917 года и 80-летию Тамбовской области. С. 324-338.

7. Колобаев, Е. А. (2009). *Структура и значение государственного ополчения в Крымской войне (На примере дружин Тамбовской губернии)*. // Материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2009». С. 42-43.

8. Лямин, С. К. (2005). *Дневник Егора Андреевича Ковригина: источник по истории менталитета торгово-промышленного населения Тамбова 1860 – 1870-х гг. (по материалам фонда ТОКМ)* // Историко-культурное наследие: проблемы исследования и преподавания. С. 46-47.

9. Лямин, С. К. (2017). *Национальная идентичность городского обывателя провинциальной России второй половины XIX века (по материалам дневника Е. А. Ковригина)* // Тамбов в прошлом, настоящем и будущем: материалы VIII Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию событий гражданской войны в России: трагедии и драмы выбора исторического пути развития. С. 272-275.

10. Смолин, Н. Н. (2009). *Дружины Государственного подвижного ополчения 1855-1856гг.* // Русский сборник: Исследования по истории России. Т. VII. С. 325-366.

References

1. Antip'ev, M. A. (2009). *Uchastie druzhin Kurskogo gosudarstvennogo podvizhnogo opolcheniya v zashchite Sevastopolya (v period Krymskoy voyny 1853-1855 gg.)* [Participation of Kursk state militia in the defence of Sevastopol (during the Crimean War, 1853-1855)] in *Izvestiya AltGU*, №4-4, 7-9. (in Russian).

2. Antip'ev, M. A. (2010). *"Utverdi Desnitseyu tvoeyu derzhavu nashu, sokhrani voinstvo EYa" (o sborakh podvizhnogo opolcheniya Krymskoy voyny)* ["Strengthen our power with thy right hand, preserve HIS army" (about the assemblies of the Crimean War militia)] in *Kubanskije istoricheskie chteniya: Materialy pervoy mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 40-42. (in Russian).

3. Antip'ev, M. A. (2015). *"Voyna proshla, a sled ostalsya" (o Tambovskom opolchenii 1855 goda)* ["The war is over but the footprint remains" (about the Tambov militia in 1855)] in *Izvestiya Regional'nogo finansovo-ekonomicheskogo instituta*. № 1(7), 1. (in Russian).

4. *Dnevnik Tambovskogo obyvatel'ya E. A. Kovrigina (1850-1890-e gg.)* (2009). Sost. V. V. Kanishchev, S. K. Lyamin. [Diary of an average citizen of Tambov E. A. Kovrigin (1850-1890s)]. Tambov. (in Russian).

5. Dubasov, I. I. (2006). *Ocherki iz istorii Tambovskogo kraja*. [Essays on the history of the Tambov region]. Tambov. (in Russian).

6. Kanishchev, V. V., Lyamin, S. K. (2017). *Golos molchalivogo sosloviya: sotsial'no-antropologicheskij portret tambovskogo odnodvortsya E. A. Kovrigina* [Voice of the Silent Estate: Social and Anthropological Portrait of a Tambov Commoner E. A. Kovrigin] in *Tambov v prošlom, nastoyashchem i budushchem: Materialy VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu revolyutsionnykh sobytij 1917 goda i 80-letiyu Tambovskoy oblasti*, 324-338. (in Russian).

7. Kolobaev, E. A. (2009). *Struktura i znachenie gosudarstvennogo opolcheniya v Krymskoy voyne (Na primere druzhin Tambovskoy gubernii)*. [The Structure and Significance of the State Militia in the Crimean War (On the Example of Tambov Province Militia)] in *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh «Lomonosov 2009»*, 42-43. (in Russian).

8. Lyamin, S. K. (2005). *Dnevnik Egora Andreevicha Kovrigina: istochnik po istorii mentaliteta trgovno-promyshlennogo naseleniya Tambova 1860 – 1870-kh gg. (po materialam fonda TOKM)* [The Diary of Egor Andreyevich Kovrigin: a source on the history of mentality of the merchant-industrial population of Tambov in the 1860s-1870s (on the materials of the TKM fund)] in *Istoriko-kul'turnoe nasledie: problemy issledovaniya i prepodavaniya*, 46-47. (in Russian).

9. Lyamin, S. K. (2017). *Natsional'naya identichnost' gorodskogo obyvatelya provincial'noy Rossii vtoroy poloviny XIX veka (po materialam dnevnika E. A. Kovrigina)* [National identity of an urban dweller in provincial Russia in the second half of the 19th century (based on the diary of E. Kovrigin)] in *Tambov v proshlom, nastoyashchem i budushchem: materialy VIII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu sobytiy grazhdanskoy voyny v Rossii: tragedii i dramy vybora istoricheskogo puti razvitiya*, 272-275. (in Russian).

10. Smolin, N. N. (2009). *Druzhiny Gosudarstvennogo podvizhnogo opolcheniya 1855-1856 gg.* [Troops of the State mobile militia of 1855-1856.] in *Russkiy sbornik: Issledovaniya po istorii Rossii*. T. VII, 325-366. (in Russian).

The article was submitted on 08.02.2023